

Гость «Домашнего собеседника» — актриса Ольга Аросева

С любимыми не расставайтесь

Наверное, ни одна телевизионная передача не пользовалась такой громадной популярностью, как «Кабачок 13 стульев». Пятнадцать лет подряд мы встречались с пани Моникой и паном профессором, паном директором и паном Вотрубой, пани Терезой и ее недотепой-мужем... И хотя мы были по разные стороны экрана, но общность наших человеческих проблем очень скоро превратила нас в хороших, добрых друзей. Друзей, как известно, забывать нехорошо, и поэтому мы решили поинтересоваться, как живет, например, пани Моника, народная артистка РСФСР Ольга Александровна Аросева.

— Женщины любят вспоминать, поэтому давайте предадимся этому истинно женскому занятию. Вам не грустно, что вы расстались с пани Моникой?

— Не грустно, потому что я с ней не расставалась. И не по своей воле. Хотя, когда «Кабачок» прекратил свое существование, я с ней уже мысленно распрощалась. Но на каждом концерте, на каждом творческом вечере зрители всегда просили сыграть что-

нибудь из «Кабачка». Так пани Моника прочно обосновалась в моем репертуаре.

— То есть как особа невероятной энергии выжила вопреки обстоятельствам. Ольга Александровна, у вас есть что-нибудь общее с характером пани Моники?

— Характер складывался постепенно. Ведь никто не задумывал «Кабачок» как постоянную передачу. Просто в отделе сатиры и юмора на телевидении была такая рубрика «Телевизионный театр миниатюр». И мы, актеры Театра сатиры, разыгрывали там всякие сценки. Однажды Саша Белявский предложил сделать передачу по рассказам польских писателей. Он знает польский язык и сам перевел несколько скетчей. Идея понравилась. Придумали и место встречи — кабачок.

В первой передаче никакой пани Моники не было. Я играла «женщину с сумкой». Дико восторженную, собирающую спичечные коробки и свято исполняющую все, что было написано на этикетках. После нашей премьеры посыпались письма Толя

мы сделали вторую, третью, а потом уже после восьмой или девятой передачи, поняв, что она становится постоянной, стали придумывать имена для своих персонажей.

Я помню, долго капризничала, мне не нравилось ни одно имя, но, по счастью, в каком-то шведском журнале наткнулась на Моника. Так польская пани обрела свое имя. А характером она мне ужасно напоминала мою маму. Мама была тоже дико восторженная, страшно всем интересующаяся, ничего толком не понимавшая в происходящей жизни, но безумно стремящаяся принять в ней всяческое участие. Она окончила институт благородных девиц в Петербурге и... вероятно увлеклась моим папой-революционером. Он был член партии с 1907 года, учился в Льеже, потому что из-за своей революционной деятельности был вынужден жить в эмиграции, знал Ленина. Был писателем, полпредом СССР и в Швеции, Чехословакии. Был в составе первого посольства Красина в Париже, в семнадцатом году — в числе руководителей московского восстания. А в

тридцать седьмом был арестован как враг народа. И если бы не мамина энергия, не знаю, что было бы с нами. Нас было у нее трое, три девочки-сестры. Бедствовали мы ужасно, потом война, эвакуация...

— Ольга Александровна, ваша семья не театральная, почему вы решили стать актрисой?

— Ну, во-первых, не совсем так. Мой дед имел театр в Перми. Дядя был артист, тетя — актриса Александринки. Папа очень любил на концертах, которые устраивались в посольствах, читать Чехова. Он возил нас на все театральные премьеры. До сих пор помню премьеру «Дней Турбинных» в МХАТе. А во-вторых, с пяти лет я точно знала, что буду актрисой.

— Ольга Александровна, «Кабачок» любили, хвалили, ругали, и все-таки, когда он перестал существовать, возникла пустота.

— Я считаю, что допущена ошибка. Была найдена идеальная для телевидения развлекательная, милая передача. Сейчас прекрасно перестроилось телевидение, масса интерес-

ных программ, но нет ни одной, которая дала бы возможность людям отдохнуть душой, поговорить о таких простых, понятных и необходимых всем вещах — о жизни, о семье, о любви. Такая передача нужна, как глоток кислорода.

Посмотрите, во что мы все превратились.. Женщины, которые раньше говорили о нарядах, теперь говорят только о сессиях Верховного Совета. Я понимаю, что идут колоссальные перемены, что от этого зависит наша общая судьба, но ведь человек по-прежнему хочет любить, общаться с друзьями... И надо его поддержать, подпитать душевные силы.

— А если бы сейчас предложили возродить «Кабачок», вы бы согласились?

— Конечно. Правда, потребовался бы иной подход, иные авторы, должно было бы появиться новое поколение — дети, внуки, но персонажи должны были бы остаться прежние. Старые персонажи в перестроенном «Кабачке». И только проблемы — новые...

М. ЗОРОВА.